

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой (№ 70838/13) против Черногории, поданной в Суд в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенция») двумя гражданами Черногории, г-жой Невенкой Антович и г-н Йован Миркович («заявители»), 25 октября 2013 года.
2. Заявителей представлял г-н В. Радулович, адвокат, практикующий в Подгорице. Правительство Черногории («Правительство») первоначально было представлено г-ном З. Пажиным, их агентом в то время, а затем г-жой В. Павличич, вновь назначенным агентом.
3. Заявители утверждали, что незаконная установка и использование оборудования для видеонаблюдения в университетских аудиториях, где они проводили занятия, нарушало их право на уважение их личной жизни.
4. 3 декабря 2014 года жалоба о видеонаблюдении была доведена до сведения правительства, а остальная часть жалобы была объявлена неприемлемой в соответствии с правилом 54 § 3 Регламента Суда.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявители родились в 1969 и 1961 годах соответственно и проживают в Подгорице.

A. Видеонаблюдение

6. 1 февраля 2011 года декан Школы математики Университета Черногории («Природно-математический факультет») на заседании совета школы проинформировал преподавателей, преподающих там, в том числе заявителей, о том, что «было введено видео наблюдение» (Da je uveden video nadzor) и что это было в аудиториях, где проводились занятия.
7. 24 февраля 2011 года Дин издал решение о введении видеонаблюдения в семи амфитеатрах и перед Деканом (ispred dekanata). В решении было указано, что целью этой меры является обеспечение безопасности имущества и людей, в том числе студентов, и наблюдение за обучением (praćenje izvršavanja nastavnih aktivnosti). В решении было указано, что доступ к собранным данным защищен кодами, которые были известны только декану. Данные должны храниться в течение года.

8. 14 марта заявители пожаловались в Агентство по защите персональных данных (Agencija za zaštitu ličnih podataka, «Агентство») о видеонаблюдении и сборе данных о них без их согласия. Они ссылались на Закон о защите персональных данных (см. Параграфы 24-27 ниже). Заявители, в частности, заявили, что амфитеатр, где они учили, был заперт как до, так и после занятий, что единственным имуществом были фиксированные столы и стулья и доске, что они не знали, почему не боятся за чью-либо безопасность и что в любом случае существуют другие методы защиты людей, классов собственности и контроля. Они попросили удалить камеры и удалить данные.

9. 21 марта 2011 года два инспектора Агентства выступили с докладом (записник) после посещения Школы математики, заявив, что видео-наблюдение соответствует закону о защите персональных данных. По их словам, были случаи разрушения университетской собственности, приведения животных, напитков и табака, а также присутствия людей, которые не были студентами. Они также отметили, что камеры обеспечивают «изображение с расстояния без четкого разрешения, то есть функции людей [не могут] быть легко узнаваемыми», что они не могут увеличивать и уменьшать и не записывать звук (не воспроизводя аудиозапись), Хотя решение о внедрении видеонаблюдения предусматривало, что данные будут храниться в течение года, емкость серверов такова, что данные хранятся в течение тридцати дней, а затем автоматически стираются новыми записями. Инспекторы также отметили, что информация о «плане внедрения видеонаблюдения» (planiranje uvođenja video nadzora) была предоставлена на заседании Школьного совета 1 февраля 2011 года.

10. 22 марта 2011 года заявители подали возражение в отчет, представив, в частности, что им не известно ни одного из предполагаемых инцидентов, и что в любом случае неясно, каким образом такие камеры могут обеспечить безопасность людей и собственности. Они согласились, что камеры над входами и выходами из здания университета, возможно, могут быть адекватной формой обеспечения такой безопасности. Они также сообщили, что сотрудники не были «уведомлены в письменной форме о введении видеонаблюдения до его начала» (nijesu bili obavješteni o uvođenju video nadzora u pisanom obliku prije počeka vršenja istog). Примечательно, что решение было принято 24 февраля 2011 года, тогда как надзор начался несколько недель назад. Они не уточнили, когда именно, но ссылаются на протокол сессии 1 февраля 2011 года (см. Пункт 6 выше).

11. 28 апреля 2011 года, после того, как заявитель отказался от отчета, Совет Агентства (Savjet Agencije za zaštitu ličnih podataka) принял решение (rješenje), в соответствии с которым школа математики удалила камеры из аудиторий в течение пятнадцати дней в качестве видео наблюдения не соответствовало Закону о защите персональных данных, в частности разделу 10, 35 и 36 (см. пункты 24 и 26-27 ниже). В частности, Совет постановил, что причины введения системы видеонаблюдения, предусмотренные в разделе 36, не были выполнены, поскольку не было доказательств того, что существует какая-либо опасность для безопасности людей и имущества в аудиториях, конфиденциальных данных и что наблюдение за обучением не было законным основанием для видеонаблюдения. Ни одна из сторон не инициировала административный спор в суде против этого решения.

12. 25 января 2012 года математическая школа была отслушана решением Совета Агентства от 28 апреля 2011 года. Камеры были сняты не позднее 27 января 2012 года. Похоже, что данные, которые были собраны, также были стерты в неуказанную дату.

В. Гражданские процессы

13. 19 января 2012 года заявители предъявили иск против Черногории Черногории, Агентства по защите персональных данных и Черногории за нарушение их права на частную жизнь, в частности путем несанкционированного сбора и обработки данных о их. Они, в частности, заявили, что такое вмешательство в их личную жизнь, без какой-либо возможности контролировать этот процесс, не предусмотрено какой-либо частью законодательства и что поэтому оно не соответствовало закону, по смыслу статьи 8 § 2 Конвенции. Они также утверждали, что не преследовали какой-либо законной цели и не были необходимы в демократическом обществе. Они полагались на соответствующие положения Закона о защите личных данных, статьи 8 Конвенции и соответствующей прецедентной практики Суда.

14. 27 декабря 2012 года суд первой инстанции (Основни суд) в Подгорице вынес решение против заявителей. Суд установил, что понятие частной жизни, безусловно, включает в себя деятельность в деловой и профессиональной сферах. Вместе с тем он также считал, что университет является государственным учреждением, осуществляющим общественные интересы, обучаясь одному из них (poziv redovnog profesora [je] takođe javan) и что таким образом невозможно обеспечить видеонаблюдение за аудиториями как общедоступное места, нарушающие право заявителей на уважение их личной жизни. Это была рабочая зона, как зал суда или парламент, где профессора никогда не были одни, и поэтому они не могли ссылаться на какое-либо право на неприкосновенность частной жизни, которое могло быть нарушено. Данные, которые были собраны, могут, таким образом, также не считаться персональными данными. Неспособность университета удалить камеры сразу же была несанкционированной, но ее нельзя было отнести к вмешательству в личную жизнь заявителей и поэтому не имело значения. Суд далее постановил, что такое заключение было проведено в соответствии с прецедентной практикой Суда, поскольку мониторинг публичных действий не является вмешательством в личную жизнь человека, когда это означает только что записанное (bilježi) то, что другие могут видеть, если они оказались в одном и том же месте одновременно. Суд также постановил, что мониторинг действий человека в публичном месте с использованием фотографического оборудования, который только что мгновенно записывал визуальные данные, не вызвал вмешательства в частную жизнь этого человека, что могло возникнуть после того, как любые кадры таких материалов стал общедоступным. Он пришел к выводу, что установка и использование видеонаблюдения и сбор данных, таким образом, не нарушали право заявителей на неприкосновенность частной жизни (право на приватность) и поэтому не вызывали у них душевных страданий. В ходе разбирательства один из свидетелей заявил, что были случаи кражи и повреждения внутреннего здания, и что в одном случае из лаборатории исчезли пять ноутбуков. Эти события привели к найму частного охранного агентства два или три года назад. По словам свидетеля, полиция предложила установить оборудование для видеонаблюдения на территории школы. Суд, со своей стороны, не занимался этими вопросами.

15. 31 декабря 2012 года заявители подали апелляцию. Они, в частности, полагались на статью 8 Конвенции. Они, в частности, утверждали, что вмешательство в их право на уважение их личной жизни не соответствовало какому-либо закону и поэтому противоречило статье 8 § 2 Конвенции.

Это также не было необходимо в демократическом обществе. Кроме того, Суд первой инстанции не полагался на какое-либо правовое положение в отношении их решения и не смог оценить свои аргументы.

16. 17 июля 2013 года Высокий суд (Viši sud) в Подгорице оставил в силе решение первой инстанции, одобрив его причины по существу. Высокий суд, в частности, отметил, что заявители не доказали, что их право на неприкосновенность частной жизни было нарушено, и обнаружили, что суд первой инстанции «достаточно связал прецедентное право Суда с рассматриваемым делом (dao jasan osvrt na odnos prakse Evropskog suda za ljudska prava i konkretnog slučaja) ... Суд рассмотрел другие аргументы [заявителей] и обнаружил, что они не оправдывали иначе, чем в настоящем случае ... ».

17. Заявители не подали конституционную жалобу.

II. СООТВЕТСТВУЮЩИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЗАКОН

A. Конституция Черногории 2007 (Устав Крне Гор, опубликованная в Официальном вестнике Черногории - OGM - № 01/07)

18. Статья 40 предусматривает, что каждый человек имеет право на уважение своей частной и семейной жизни.

19. В статье 43 предусматривается, что каждый человек имеет право быть проинформированным о сборе личных данных о них и праве на судебную защиту в случае неправильного использования.

20. Статья 28 § 2 гарантирует, в частности, конфиденциальность и личные права.

21. В пункте 1 статьи 24 предусматривается, что гарантированные права и свободы человека могут ограничиваться только законом, насколько это допускается Конституцией, и, насколько это необходимо в открытом и демократическом обществе, служить цели, для которой было разрешено ограничение.

22. В статье 149 предусматривается, что Конституционный суд регулирует конституционную апелляцию, поданную в отношении предполагаемого нарушения права или свободы человека, гарантированного Конституцией после исчерпания всех других эффективных средств правовой защиты.

23. Конституция вступила в силу 22 октября 2007 года.

B. Закон о защите персональных данных (Zakon o zaštiti podataka o ličnosti, опубликованный в OGM № 79/08, 70/09 и 44/12)

24. В разделе 10 предусматривается, что личные данные могут обрабатываться только после получения согласия от лица, данные которого подлежат обработке, и согласие может быть отозвано в любое время.
25. В разделе 21 предусматривается, что лицо, ответственное за обработку собранных данных, должно информировать вовлеченное лицо, в частности, о юридических основаниях и целях сбора данных и о праве доступа к информации.
26. В разделе 35 (1) предусматривается, что государственные учреждения (*javni sektor*) могут осуществлять видеонаблюдение за областью доступа (*pristup*) до официальных помещений.
27. В разделе 36 предусматривается, что надзор за наблюдением может осуществляться в служебных или служебных помещениях для обеспечения безопасности людей или имущества или для защиты конфиденциальных данных, если это не может быть достигнуто каким-либо иным образом.
28. В разделе 48 предусматривается, что лицо, ответственное за обработку любых собранных данных, также несет ответственность за любой ущерб, причиненный нарушением прав, предусмотренных Законом, в соответствии с общими правилами возмещения ущерба.
29. В разделах 49-73а содержится подробная информация об Агентстве и его надзорной деятельности (надзор).
30. Секции 49, 51 и 52 определяют Агентство как независимый надзорный орган (надзорный орган), состоящий из Совета Агентства и директора. У Совета Агентства есть президент и два члена, которые все назначаются Парламентом и которые отвечают парламенту.
31. В разделе 50 предусматривается, что Агентство контролирует (*vrši nadzor*) осуществление защиты персональных данных в соответствии с Законом; решает вопросы о защите данных; дает мнения относительно осуществления Закона; дает согласие на создание коллекций (*uspostavljanje zbirki*) персональных данных; дает свое мнение о том, может ли определенный объем персональных данных рассматриваться как «сбор» по смыслу Закона; осуществляет мониторинг организационных и технических мер по защите персональных данных; вносит предложения и рекомендации по улучшению защиты персональных данных; дает свое мнение о том, угрожает ли определенный способ обработки персональных данных (*обрада*) правами и свободами; сотрудничает с органами других стран, отвечающих за защиту персональных данных; сотрудничает с компетентными государственными органами в подготовке правил, касающихся защиты персональных данных; дает оценку конституционности и законности Деяний и других правил, касающихся обработки персональных данных; а также другие функции в соответствии с Законом и Законом о свободном доступе к информации.
32. В разделах 56-72 предусматривается, что Агентство выполняет свою надзорную функцию через инспекторов (контролеры), которые делают отчеты (записник) о своей работе. Стороны могут подать возражение (приговору) против отчетов инспекторов, и Совет Агентства должен принять решение по этому вопросу. С помощью своих решений Агентство может, среди прочего, распорядиться о том, чтобы нарушения в обработке персональных данных были удалены в

течение определенного времени; временно запрещать обработку персональных данных, когда это противоречит Закону; и порядок удаления личных данных, которые были собраны без законных оснований. Административный спор может быть возбужден против решений Агентства.

С. Закон об обязательствах за 2008 год (Законодательный оговор), опубликованный в OGM № 47/08 и 04/11)

33. Разделы 151, 206 и 207 Закона об обязательствах, взятые вместе, предусматривают, среди прочего, то, что каждый, кто страдал, испытывает физическую боль или душевные муки вследствие ущерба его репутации или нарушения личной неприкосновенности, свобода или другие личные права (правовые права) имеют право требовать судебного запрета, предъявлять иск о финансовой компенсации и запрашивать другие формы возмещения, «которые могут быть способны» обеспечить адекватную неимущественную помощь.

34. Раздел 166 предусматривает, в частности, что юридическое лицо (правно вши), которое включает в себя государство, несет ответственность за любой ущерб, причиненный одним из его органов «третьему лицу» в ходе выполнения его функций или связанных с ним действий к нему.

ЗАКОН

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 8 КОНВЕНЦИИ

35. Заявители жаловались в соответствии со статьей 8 Конвенции, что предполагаемая незаконная установка и использование оборудования для видеонаблюдения в университетских аудиториях, где они проводили занятия, нарушала их право на уважение их личной жизни. Соответствующая статья гласит:

«1. Каждый человек имеет право на уважение своей частной и семейной жизни, его дома и его переписки.

2. Не должно быть никакого вмешательства со стороны государственного органа в осуществление этого права, за исключением случаев, когда это соответствует закону и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, общественной безопасности или экономического благосостояния страны, для предотвращения беспорядков или преступлений, для защиты здоровья или нравственности или для защиты прав и свобод других лиц ».

36. Правительство оспаривало этот аргумент.

A. Приемлемость

1. Представления сторон

37. Правительство утверждало, что не вся профессиональная и деловая деятельность относится к сфере частной жизни. Университет был государственным учреждением, и преподавание представляло собой общественный интерес (*djelatnost od javnog interesa*). Область, которая находилась под наблюдением, была рабочей областью, не зависящей от личной автономии, в отличие от офисов профессоров, где могла существовать определенная личная автономия.

38. Они далее утверждали, что заявители не исчерпали все эффективные внутренние средства правовой защиты, в частности конституционную апелляцию.

39. Заявители оспаривали представленные правительством материалы. В частности, они утверждали, что конституционная жалоба не была эффективным средством правовой защиты в соответствующее время.

2. Оценка Суда

(а) Применимость статьи 8

40. Соответствующие принципы в этом отношении излагаются, например, в деле *Niemietz v. Germany* (16 декабря 1992 года, §§ 29-31, серия А № 251-B); *Пек против Соединенного Королевства* (№ 44647/98, §§ 57-58, ЕКПЧ 2003-I); *Хэлфорд против Соединенного Королевства* (25 июня 1997 года, §§ 44-46, «Отчеты о решениях и решениях 1997-III»); *Фернандес Мартинес против Испании* [GC] (№ 56030/07, §§ 109-110, ECHR 2014 (выдержки)); и *Vărbulescu v. Romania* [GC] (№ 61496/08, §§ 70-73, 5 сентября 2017 года).

41. В частности, Суд повторяет, что «частная жизнь» представляет собой широкий термин, не поддающийся исчерпывающему определению, и что было бы слишком ограничительным ограничивать понятие «частной жизни» «внутренним кругом», в котором может жить человек свою личную жизнь, поскольку он выбирает и полностью исключает внешний мир, не охваченный в этом круге (см. *Ниетц*, процитированное выше, § 29). Таким образом, статья 8 гарантирует право на «частную жизнь» в широком смысле, включая право вести «частную общественную жизнь», то есть возможность для индивидуума развивать свою социальную идентичность. В этом отношении право, о котором идет речь, закрепляет возможность приближения к другим для установления и развития отношений с ними (см. Упомянутый выше пункт *Vărbulescu*, § 70 и упомянутые в нем полномочия).

42. Суд уже считал, что понятие «частная жизнь» может включать профессиональную деятельность или деятельность, происходящую в общественном контексте (см. Упомянутый выше пункт *Vărbulescu*, § 71 и упомянутые в нем полномочия). В конце концов, в течение их трудовой жизни большинство людей имеют значительную, если не самую большую возможность развивать

отношения с внешним миром, и не всегда можно четко различать, какие из действий человека составляют часть его профессиональной или деловой жизни, а какие нет (см. Ниетц, процитированное выше, § 29). Таким образом, существует зона взаимодействия человека с другими людьми, даже в общественном контексте, которая может подпадать под сферу «частной жизни» (см. Пек, цитированное выше, § 57), в которой есть профессиональная жизнь (см. Fernández Мартинес, упомянутый выше, § 110 в порядке).

43. Для выяснения того, применимо ли понятие «частной жизни», Суд неоднократно рассматривал вопрос о том, имеют ли люди разумное ожидание того, что их конфиденциальность будет соблюдаться и защищаться. В этом контексте он заявил, что разумное ожидание конфиденциальности является значительным, хотя и не обязательно убедительным фактором (см. Вышеприведенный пункт *Vărbulescu*, § 73, и упомянутые в нем полномочия).

44. Обращаясь к настоящему делу, Суд отмечает, что университетские амфитеатры являются рабочими местами учителей. Именно там они не только учат студентов, но и взаимодействуют с ними, развивая таким образом взаимоотношения и строя свою социальную идентичность. Уже было установлено, что тайное видеонаблюдение за сотрудником на его или ее рабочем месте должно рассматриваться как таковое как серьезное вторжение в личную жизнь сотрудника. Это влечет за собой записанную и воспроизводимую документацию о поведении человека на его или ее рабочем месте, которое работник, будучи обязанным по трудовому договору выполнять работу в этом месте, не может уклониться (см. *Körke v. Germany* (dec.), No. 420/07, 5 октября 2010 года). Нет причин, по которым Суд отклоняется от этого вывода, даже если это касается случаев негласного видеонаблюдения за работником на его или ее рабочем месте. Кроме того, Суд также постановил, что даже в тех случаях, когда правила работодателя в отношении личной общественной жизни сотрудников на рабочем месте являются ограничительными, они не могут уменьшить его до нуля. Уважение к частной жизни продолжает существовать, даже если оно может быть ограничено, насколько это необходимо (см. *Vărbulescu*, процитированное выше, § 80).

45. С учетом вышесказанного Суд считает, что данные, собранные оспариваемым видеонаблюдением, касаются «личной жизни» заявителей, в результате чего статья 8 применима к их жалобе.

(b) Исчерпание внутренних средств правовой защиты

46. Соответствующие принципы в этом отношении изложены в *Vučković and Others v. Serbia* (предварительное возражение) ([GC], № 17153/11 и 29 других, §§ 69-75, 25 марта 2014 года).

47. Обращаясь к настоящему делу, Суд уже постановил, что конституционный призыв в Черногории в принципе можно считать эффективным средством правовой защиты (см. *Siništaj and Others v. Montenegro*, № 1451/10 и 2 других), § 123, 24 ноября 2015 года). Суд повторяет в этом отношении, что, хотя он может быть подвергнут исключениям, которые могут быть оправданы конкретными обстоятельствами каждого случая, вопрос о том, исчерпаны ли внутренние средства правовой защиты, обычно определяется ссылкой на дату подачи заявки Суд (см. *Baumann v. France*, № 33592/96, § 47, ECHR 2001-V (выдержки)). Учитывая, что заявители подали свою заявку в октябре 2013 года, что задолго до того, как конституционное обращение стало эффективным

внутренним средством правовой защиты в государстве-ответчике, Суд считает, что они не обязаны использовать это конкретное средство правовой защиты (см. Сиништай и другие, цитируемые выше, §§ 124-125). Поэтому возражение правительства должно быть отклонено.

с) заключение Суда

48. Суд отмечает, что заявка не является явно необоснованной по смыслу пункта 3 а) статьи 35 Конвенции. Он далее отмечает, что это не является неприемлемым по каким-либо другим причинам. Поэтому он должен быть объявлен приемлемым.

Б. Достоинства

1. Представления сторон

(а) Заявители

49. Заявители утверждали, что оспариваемое видеонаблюдение было незаконным, не преследовало каких-либо законных целей и не требовалось в демократическом обществе. Декан школы собрал и обработал полученные данные без каких-либо ограничений, и заявители не имели эффективного контроля над этой информацией. Агентство также не выполнило свои юридические обязательства, тем самым дополнительно сделало вмешательство произвольным.

(b) Правительство

50. Правительство утверждало, что наблюдение за деятельностью, проводимой публично или с фотографическим оборудованием, не считается вмешательством в личную жизнь человека, если оно не было раскрыто или опубликовано, что здесь не было.

51. Они далее утверждали, что оспариваемое вмешательство, несмотря на определенные административные неудачи (я наблюдал за одними административными пустурами), было законным, преследовало законную цель и было необходимо в демократическом обществе.

52. Цель, которая была преследована, которая не могла быть достигнута менее инвазивным образом, заключалась в предотвращении и расследовании инцидентов, связанных с безопасностью, таких как кражи и кражи, в которых имущество, принадлежащее как университету, так и его сотрудникам, включая профессоров, были украдены. Он также нацелен на предотвращение ввоза огнестрельного оружия, «несанкционированное ввоз животных», попрошайничество, а также инциденты в амфитеатрах, в которых профессорам угрожало

физическое насилие. Даже полиция рекомендовала установку оборудования для видеонаблюдения.

53. Они далее утверждали, что все вовлеченные лица, включая заявителей, были должным образом проинформированы о мерах, что собранные данные не использовались каким-либо образом и что только Дин школы имел к нему доступ. Поэтому данные использовались исключительно для целей, предусмотренных законом, и в течение ограниченного периода с учетом того, что данные были автоматически удалены через тридцать дней. Правительство также сообщило, что камеры занимались фотографиями с низким разрешением, не имели масштабируемой мощности и что их местоположение и углы записи были установлены «в соответствии с методологическим анализом рисков, а также с защитой персональных данных».

54. Правительство утверждало, что государства имеют широкую свободу усмотрения, когда речь идет о видеонаблюдении в интересах общества, а государство-ответчик действовало в соответствии с национальными и европейскими правовыми стандартами. В любом случае, не было задачей Суда оценивать толкование и применение национального законодательства национальными судами, а также их выводы и выводы, а национальные суды не обнаружили нарушения права заявителей на уважение их личной жизни.

2. Оценка Суда

55. В настоящем деле Суд уже рассмотрел, что видео-наблюдение за работником на рабочем месте, будь то скрытое или нет, должно рассматриваться как значительное вторжение в частную жизнь сотрудника (см. Пункт 44 выше), и, следовательно, он считает что оно представляет собой вмешательство по смыслу статьи 8. Любое вмешательство может быть оправдано только в соответствии со статьей 8 § 2, если оно соответствует закону, преследует одну из более законных целей, к которой относится это положение, и необходимо в демократического общества для достижения такой цели (см. *Vukota-Bojić v. Switzerland*, № 61838/10, § 60, 18 октября 2016 года).

56. Суд отмечает, что национальные суды не рассматривали вопрос о действиях, которые соответствуют закону, поскольку они не считают, что оспариваемая система видеонаблюдения является вмешательством в личную жизнь заявителей.

57. Однако Агентство по защите персональных данных сделало это и прямо заявляло, что оно не соответствует закону, в частности разделу 10, 35 и 36 Закона о защите персональных данных (см. Пункт 11 выше).

58. В этой связи Суд отмечает, что в разделе 35 предусматривается, что государственные учреждения - университет, согласно собственному представлению правительства, является одним из них, - может осуществлять видеонаблюдение за областями доступа к служебным помещениям. Однако в данном случае видео наблюдение проводилось в амфитеатрах.

59. Кроме того, в разделе 36 предусматривается, что оборудование для видеонаблюдения также может быть установлено в служебных или служебных помещениях, но только в том случае, если цели, предусмотренные в этом разделе, в частности безопасность людей или имущества или защита конфиденциальных данных, не могут быть достигнуты в Любым другим путем. Суд отмечает, что в данном случае в целях обеспечения безопасности имущества и людей, в том числе учащихся, и для наблюдения за обучением, был представлен надзорный надзор. Отмечается, что одна из этих целей, особенно наблюдение за обучением, не предусмотрена законом вообще как основа для видеонаблюдения. Кроме того, Агентство прямо заявило, что не было доказательств того, что ни собственность, ни люди оказались под угрозой, одна из причин, чтобы оправдать введение видеонаблюдения (см. Пункт 11 выше), и национальные суды не рассматривали этот вопрос на все (см. пункт 14 выше). Правительство, в свою очередь, не представило никаких доказательств об обратном в этом отношении (см. Пункт 52 выше) и не показало, что они даже заранее рассмотрели какие-либо другие меры в качестве альтернативы.

60. Учитывая, что в соответствующем законодательстве явно предусматриваются определенные условия, которые должны быть выполнены до того, как будет применен надзор за камерами, и что в данном случае эти условия не были выполнены и с учетом решения Агентства в этом отношении (в отсутствие какого-либо рассмотрения этого вопроса национальными судами), Суд не может не заключить, что указанное вмешательство не соответствует закону, что является достаточным для нарушения статьи 8. Принимая во внимание вышесказанное, Суд не считает необходимым рассмотреть вопрос о соблюдении других требований пункта 2 статьи 8 (см. *Aman v. Switzerland* [GC], № 27798/95, § 81, ECHR 2000-II и *Vukota-Vojić*, процитированное выше, § 78).

II. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

61. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд установит, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, и если внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает только частичное возмещение, Суд, в случае необходимости, предоставляет справедливую компенсацию раненых ».

A. Урон

62. Заявители требовали 1 000 евро (евро) в отношении морального вреда.

63. Правительство оспаривало иск заявителей.

64. Суд присуждает заявителям 1000 евро каждый в качестве компенсации морального вреда.

B. Расходы и расходы

65. Заявители также потребовали 1,312,50 евро за расходы и расходы, понесенные в национальных судах и 357 евро за те, которые были понесены в Суде.

66. Правительство оспаривало требование заявителей.

67. Согласно прецедентному праву Суда, заявитель имеет право на возмещение расходов и издержек только в той мере, в какой было показано, что они были фактически и обязательно понесены и разумны в отношении квантов. В данном случае, учитывая имевшиеся в его распоряжении документы и вышеуказанные критерии, Суд считает целесообразным присудить заявителям совместно всю сумму в размере 1 669,5 евро, покрывая расходы по всем главам.

С. Процент по умолчанию

68. Суд считает уместным, чтобы процентная ставка по умолчанию была основана на предельной кредитной ставке Европейского центрального банка, к которой следует добавить три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ, СУД

1. Объявляет большинством голосов
2. Постановляет четырьмя голосами против трех, что имело место нарушение статьи 8 Конвенции;
3. Постановляет четырьмя голосами против трех голосов,
 - (a) что государство-ответчик должно выплатить заявителям в течение трех месяцев с даты, когда решение станет окончательным в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции, следующие суммы:
 - (i) 1000 евро (одна тысяча евро) каждый плюс любые налоги, которые могут быть начислены, в отношении морального вреда;
 - (ii) EUR 1,669,50 (одна тысяча шестьсот шестьдесят девять евро и пятьдесят центов) совместно, плюс любые налоги, которые могут быть начислены заявителям в отношении издержек и расходов;

(b) что по истечении вышеуказанных трех месяцев до урегулирования простые проценты подлежат выплате по вышеуказанным суммам в размере, равном предельной ставке кредитования Европейского центрального банка в течение периода дефолта плюс три процентных пункта.

Совершено на английском языке и уведомлено в письменной форме 28 ноября 2017 года в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Стэнли Нейсмит Роберт Спано

Registrar President

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Суда к настоящему решению прилагаются следующие отдельные мнения:

(a) Совместное совпадающее мнение судей Вучинича и Лемменса;

(б) Совместное особое мнение судьи Спано, Бьянку и Кьолбро.

Протоколист

S.H.N.

СОВМЕСТНОЕ КОНКУРСНОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ ВУЦИНИ И ЛЕММЕНЫ

1. Мы полностью согласны с нахождением нарушения статьи 8 Конвенции. Мы бы, однако, предпочли несколько иные рассуждения.

2. В данном случае речь идет о видеонаблюдении в университетских аудиториях, где учащиеся, два профессора, учатся своим ученикам. Основной вопрос в суде заключается в том, применима ли статья 8 к фактам дела.

В то время как большинство считают, что университетские аудиторы являются «рабочими местами» учителей и подходят к делу как к вмешательству в личную жизнь работника его работодателем (см. Пункт 44 решения), мы придаем большее значение характеру деятельности, которая была поставлена под наблюдение.

3. Важным аспектом права на уважение частной жизни является «право жить в частном порядке, от нежелательного внимания» (см. Смирнова против России, № 46133/99 и 48183/99, § 95, ЕКПЧ 2003-IX (выдержки), Сидабрас и Дьяутас против Литвы, № 55480/00 и 59330/00, § 43, ECHR 2004-VIII, Couderc и Hachette Filipacchi Associés v. France [GC], № 40454/07, § 83, ECHR 2015 (выдержки), Satakunnan Markkinapörssi Oy и Satamedia Oy v. Finland [GC], № 931/13, § 130, ECHR 2017 (выдержки) и Vărbulescu v. Romania [GC], № 61496/08, § 70, ECHR 2017 (выдержки)).

Однако статья 8 Конвенции также гарантирует развитие без внешнего вмешательства личности каждого человека в его или ее отношениях с другими людьми. Таким образом, существует зона взаимодействия человека с другими людьми, даже в общественном контексте, которая может подпадать под сферу частной жизни (см. PG и JH v. United Kingdom, № 44787/98, § 56, ECHR 2001 - IX; Пек против Соединенного Королевства, № 44647/98, § 57, ECHR 2003-I, Perry v. United Kingdom, № 63737/00, § 36, ECHR 2003-IX (выдержки), Uzun v Германия, № 35623/05, § 43, ECHR 2010 (выдержки); Von Hannover v. Germany (№ 2) [GC], № 40660/08 и 60641/08, § 95, ECHR 2012; Couderc and Hachette Filipacchi Associés, упомянутое выше, § 83, Vukota-Bojić v. Switzerland, № 61838/10, § 52, 18 октября 2016 г. Magyar Helsinki Bizottság v. Hungary [GC], № 18030/11, § 191, ECHR 2016, и Сатакуннан Маркинапёрсси Ой и Сатамедия Ой, процитированные выше, § 131).

Существует ряд элементов, имеющих отношение к рассмотрению вопроса о том, затрагивает ли личная жизнь человека меры, осуществляемые вне дома или в частных помещениях этого лица. Поскольку бывают случаи, когда люди сознательно или намеренно вовлечены в деятельность, которая регистрируется или может быть зарегистрирована или сообщается публично, разумные ожидания человека относительно конфиденциальности могут быть значительным, хотя и не обязательно убедительным фактором (см. PG и JH v Соединенное Королевство, упомянутое выше, § 57, Перри, процитированное выше, § 37, Узун, цитированное выше, § 44, Вукота-Боич, цитированное выше, § 54, и Мадьяр Хельсинки Бизотц, приведенный выше, § 193).

4. Настоящий случай не касается камер безопасности, размещенных, например, на входе и выходе из университетских зданий. Это касается видеонаблюдения за аудиториями. Несмотря на то, что обеспечение безопасности людей и имущества было использовано в качестве одной из целей этой меры (см. Пункт 7 решения), это обоснование не было рассмотрено Советом по защите персональных данных (см. Пункт 11 решения), Другая направленная цель заключалась в контроле за учебной деятельностью (см. Пункт 7 решения). Тот факт, что это был декан, который имел доступ к лентам, кажется, подтверждает, что это действительно была преследуемая цель.

Нам кажется, что, по крайней мере, в академической среде, где преподавание и учебная деятельность охватываются академической свободой, указанное ожидание конфиденциальности можно считать «разумным». Наблюдение в качестве меры контроля декана, по нашему мнению, не то, что обычно должен ожидать учитель.

Принимая во внимание специфику взаимоотношений между учителем и учеником, мы не можем с трудом заключить, что применима статья 8 Конвенции.

5. Вышесказанное не означает, что видео-наблюдение в аудитории невозможно.

Могут быть веские причины для помещения зрительного зала в виде видеонаблюдения. Но, поскольку статья 8 применима, такая мера будет затем соответствовать условиям, изложенным в Статье 8 § 2 (см. Пункт 55 решения). Это означает, среди прочего, что должна существовать надлежащая правовая основа, что объем надзора должен быть ограниченным и что существуют гарантии от злоупотреблений.

6. В данном случае мы согласны с суждением, поскольку оно делает вывод о том, что указанное вмешательство не соответствует закону и поэтому представляет собой нарушение статьи 8 (см. Пункты 56-60 решения).

СОВМЕСТНОЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ СПАНО, БИНКУ И КЮЛБРО

1. По мнению большинства, оспариваемый видеомониторинг университетских аудиторий, в которых заявители преподавали в качестве профессоров, связанных с частной жизнью заявителей и вмешиваемых в них, как это предусмотрено статьей 8 Конвенции (см. Пункты 44-45 и 56 решение). Поскольку мы с уважением не согласны, мы голосовали против объявления заявления приемлемым и обнаружения нарушения статьи 8 Конвенции.

2. По нашему мнению, и, как объяснено ниже, решение расширяет сферу применения пункта 1 статьи 8 Конвенции и может иметь серьезные последствия.

3. Суд решил ряд дел, касающихся мониторинга в общественных местах, в том числе видеонаблюдения, и из прецедентного права вытекает, что такой мониторинг автоматически не поднимает вопрос в соответствии с пунктом 1 статьи 8 Конвенции.

4. В этом контексте Суд заявил, что «частная жизнь» неприменима к местам, которые являются свободно доступными для общественности и которые используются для деятельности, не относящейся к частной сфере участников (см. *Steel and Morris v. Соединенное Королевство* (решение), № 68416/01 от 22 октября 2002 года). Более того, обычное использование камер безопасности, будь то на улицах общего пользования или в помещениях, например, в торговых центрах или полицейских участках, не вызывает таких вопросов в соответствии с пунктом 1 статьи 8 Конвенции (см. *Peck v. United Kingdom*, no. 44647/98, § 59, ECHR 2003-I и *Perry v. United Kingdom*, № 63737/00, §§ 38 и 40, ECHR 2003-IX (выдержки)). При этом, как было сказано, запись и систематическое или постоянное хранение таких данных могут препятствовать частной жизни, даже если мониторинг проводился в общественном месте (см. Выше, § 59, и Перри, упомянутое

выше, § 38) , Аналогичным образом, тайный и систематический надзор за лицом в общественных местах, в том числе с помощью видео, а также хранение и последующее использование полученных данных может помешать частной жизни (см. Перри, процитированное выше, §§ 39-43 и Вукота-Боич v. Швейцария, № 61838/10, § 52-59, 18 октября 2016 года). Аналогичным образом, раскрытие записей с камер наблюдения в общественных местах может препятствовать частной жизни (см. Пек, процитированное выше, §§ 60-63). Аналогичным образом, постоянное видеонаблюдение человека может препятствовать частной жизни (см. Van der Graaf v. The Netherlands (dec.), № 8704/03, 1 июня 2004 года).

5. Суд также принял решение по ряду дел, касающихся мониторинга на рабочих местах, включая видеонаблюдение, и из этого прецедента вытекает, что надзор за работодателем на рабочем месте автоматически не поднимает вопрос в соответствии с пунктом 1 статьи 8 Конвенция.

6. В этом контексте Суд установил, что перехват работодателем телефонных звонков работника с рабочего места подпадает под понятие «частная жизнь» в ситуациях, когда у работника есть разумное ожидание конфиденциальности для таких вызовов (см. Хэлфорд против Соединенного Королевства, 25 июня 1997 года, §§ 44-46, Отчеты о решениях и решениях 1997-III). Это относится не только к телефонным звонкам сотрудника, но также к электронной почте и использованию Интернета (см. Copland v. United Kingdom, № 62617/00, §§ 41-42, ECHR 2007-I). Суд заявил, что разумные ожидания сотрудника относительно конфиденциальности являются значительным, хотя и не обязательно решающим фактором (см. Көрке v. Germany (dec.), № 420/07, 5 октября 2010 года, *Țărbulescu v. Romania* [GC], no 61496/08, § 74, ECHR 2017). Суд установил, что видеозапись поведения работника на ее рабочем месте без предварительного уведомления, обработка и рассмотрение несколькими лицами полученного материала и последующее использование в публичных судебных разбирательствах таких материалов вызвали проблему под «частным» жизни» (см. выше, Көрке). Аналогичным образом, Суд установил, что мониторинг работодателем использования сотрудниками Интернета и доступа к личным сообщениям, отправленным с помощью службы обмена мгновенными сообщениями (Yahoo Messenger), вызвал проблему в «частной жизни» заявителя (см. Вышеприведенную статью *Țărbulescu*, §§ 74-81).

7. В соответствии с прецедентной практикой Суда, касающейся мониторинга, в принципе необходимо провести различие между видеомониторингом как таковым и регистрацией, обработкой и использованием данных, полученных с другой стороны, причем обе ситуации могут привести к возникновению к соображениям частной жизни (см. выше, Көрке, Пек, процитированное выше, §§ 58-59, Перри, процитированное выше, §§ 38 и 40-41).

8. Из существующей судебной практики Суда мы заключаем следующее: видеомониторинг или наблюдение сами по себе не представляют собой вмешательства в личную жизнь контролируемых лиц. Независимо от того, имеет ли это значение, зависит от оценки конкретных обстоятельств дела, в том числе в случаях, когда проводится мониторинг, характера контролируемой деятельности, является ли мониторинг целенаправленным и систематическим, были ли контролируемые лица разумными ожиданиями конфиденциальности, было ли уведомление предоставлено или было ли лицо, независимо от такого уведомления, иметь разумное ожидание конфиденциальности в отношении характера деятельности, будь то информация хранится, обрабатывается и используется, включая ее распространение. Другими словами, это зависит от оценки видеомониторинга как такового, а также хранения, обработки и использования собранных данных или информации.

9. При оценке применимости аспекта «частной жизни» пункта 1 статьи 8 Конвенции основное внимание уделяется видеонаблюдению как таковому (см. Пункты 44-45 и 56 решения), а не на любой записи или последующее использование собранной информации. Для большинства достаточно вызывать статью 8, исходя из того, что на рабочем месте заявителей наблюдалось видеонаблюдение или мониторинг, аудитория, где они преподавали и взаимодействовали со студентами. На наш взгляд, это очень обширное и широкое понимание понятия «личная жизнь».

10. На наш взгляд, с учетом конкретных обстоятельств настоящего дела, видеомониторинг университета в аудитории, где заявители преподавали в качестве профессоров, не вызвал вопроса о личной жизни заявителей, и в этом контексте мы соглашаемся с оценкой национальных судов. Мы считаем неоспоримым, что видеомониторинг проходил в университетских аудиториях, что заявители были уведомлены о видеонаблюдении, что контролируется профессиональная деятельность заявителей, что наблюдение было отдаленным, что не было записи звука и таким образом, нет записи обучения или обсуждений, что изображения были размыты, и люди не могли быть легко распознаны, что видеозапись была доступна только декану и автоматически удалялась через 30 дней и что данные или информация впоследствии не были используемый.

11. Как упоминалось выше, большинство полагается только на видеомониторинг как таковой, а не на запись, обработку или возможное использование собранных данных. Как бы то ни было, мы хотели бы добавить, что, на наш взгляд, хранение видеонаблюдения само по себе не поднимало проблему под «личной жизнью». Несмотря на то, что можно утверждать, что видеоролик относится к данным о идентифицированных или идентифицируемых лицах (см. *Amann v. Switzerland* [GC], № 27798/95, § 65, ECHR 2000-II и *Satakunnan Markkinapörssi Oy и Satamedia Oy v. Финляндия* [GC], № 931/13, § 133, ECHR 2017 (выдержки)), заявители в этом случае не утверждали, что качество видео было таким, что оно привело бы к их идентификации, тем самым подняв вопрос, личная жизнь заявителей, защищенная статьей 8